

УДК 808.2-56

Макоева Фатима Сослановна

соискатель кафедры теории и методики преподавания русского языка Северо-Осетинского государственного педагогического института mykerova8@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СИСТЕМЫ РУССКОГО И ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКОВ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В данной статье дается сопоставительный анализ языковых систем русского и осетинского языков с учетом межъязыковой интерференции. Автор приходит к выводу, что в процессе формирования эффективной методики развития коммуникативной компетенции билингвов должны учитываться типологические сходства и различия.

Ключевые слова: межъязыковая интерференция, транспозиция, языковой уровень, коммуникативная компетенция.

Как показывает практика, усвоение компетенций даже в области родного языка вызывает многочисленные трудности. В билингвальной аудитории эти объективные трудности осложняются межъязыковой интерференцией, обусловленной различиями в языковых системах родного и второго языка. В нашем случае речь идет об осетинском и русском языках. Поэтому в целях выявления каналов интерференции со стороны родного языка необходимо провести сопоставительный анализ языковых систем русского и осетинского языков. При этом мы не ставим целью сопоставление всех механизмов сравниваемых языковых систем, а ограничимся лишь важнейшими: лексическим, фонетико-фонологическим, морфологическим и синтаксическим, поскольку именно на этих уровнях языковой системы межъязыковая интерференция проявляется особенно ярко. Кроме того, в целях разработки эффективной методики выработки у билингвов языковых компетенций следует особое внимание уделить наиболее контрастным несовпадениям в языковых системах сопоставляемых языков.

Русский и осетинский языки входят в индоевропейскую языковую семью. Это языки номинативного строя предложения, в обоих языках основным средством связи в словосочетании и предложении является флексия, однако в их языковых механизмах имеются существенные различия, которые приводят к интерференции.

Так, на фонетическом уровне к главным психолингвистическим причинам интерференции относятся: отсутствие определенных звуков русского языка в родной речи осетин-билингвов, отсутствие в их родном языке дифференциального признака твердо-

Makoeva Fatima Soslanovna

Postgraduate student of the Department of Theory and Methods of Teaching Russian of the North Ossetian State Teacher-Training Institute mykerova8@mail.ru

LANGUAGE SYSTEMS OF THE RUSSIAN AND OSSETIC LANGUAGES: COMPARATIVE ANALYSIS

The article introduces comparative analysis of the Russian and Ossetic language systems taking into account the interlingual interference. The author states that in the process of formation of the effective methods of developing the bilingual communicative competence typological similarities and distinctions must be taken into consideration.

Key words: interlingual interference, transposition, linguistic level, communicative competence.

сти/мягкости согласных и его наличие в русском языке, наличие в родном языке придыхательных и абруптивных согласных и их отсутствие в изучаемом языке, редукция гласных в русском языке и их полное произношение в осетинском, несовпадение структурных значений близких в артикуляционно-акустическом отношении фонем обоих языков, отсутствие оглушения звонких согласных в конце слова в родном языке осетин-билингвов. Отсутствие в родном языке обучаемых корреляции согласных по твердости/мягкости приводит к тому, что в своей речи на русском языке они смешивают твердые и мягкие согласные. Причем наиболее часто осетины-билингвы не различают согласные [л] и [л'], произнося, с одной стороны, *бу[л] 'ка, фу[л] 'фак*, а с другой – *ру[л], педа[л]* и т.п. Немалую сложность для студентов представляет усвоение русских звуков [и] и [ы], в результате чего они часто их смешивают: *пыль – пиль, закрывать – закривать* и др.

На фонетическом уровне дифференциальный признак твердости/мягкости представляется наиболее трудным для усвоения, при этом самые большие сложности вызывает усвоение фонемы, отсутствующей в родном языке билингвов. Именно по этой причине они произносят русские слова с [j], опуская его, поскольку у них отсутствует соответствующий фонематический слух, что и приводит к ошибкам типа: *сви[н'а], ко[н'а]к, бе[л'о], по[л'у] (полью), се[м'а] (семья)* и т.п. Наиболее близок русскому звуку [j] в осетинском языке [й], отличающийся от него не только артикуляционно, но и своим структурным значением.

Нарушение в русской речи осетин-билингвов норм ударения вызвано не только их

объективной сложностью, но и явлениями интерференционного характера: в русском языке ударение разноместное и подвижное, в осетинском языке ударение подвижное и ограниченное.

К.Е. Гагкаев характеризует ударение в осетинском языке следующим образом: ударение в слове не падает дальше второго слога от начала, оно может падать только на первый и второй слоги, причем преимущественная тенденция ударения направлена на второй слог. Например: *зымææг* – зима, *хæдзæр* – дом, *рауай* – иди.

Определенные различия и сходства существуют и в структурах слогов сопоставляемых языков. При стечении нескольких согласных в слоге и в русском, и в осетинском языке широко распространены случаи выпадения одного из них. В осетинском языке, в отличие от русского, в начальных слогах недопустимо стечение групп согласных, в случае такого стечения используется вставочный гласный, что также приводит к интерференции.

На основе сопоставления лексико-контактирующих языков и ее семантических признаков были выявлены сходства и различия в области лексико-семантической системы. Результаты анализа показали, что, несмотря на существующие различия в лексике, оба языка обладают множеством сходств. Имеющиеся же различия следует рассматривать как фактор межъязыковой интерференции, порождающей типичные ошибки в восприятии, понимании и употреблении лексики русского языка осетинами-билингвами.

Расхождения в лексике русского и осетинского языков наблюдаются в значениях или оттенках значений слов. В процессе анализа особое внимание было уделено многозначным словам, так как именно они представляют собой наиболее активную зону лексико-семантической интерференции. Наблюдение показало, что лишь в редких случаях два многозначных слова русского и осетинского языков соответствуют друг другу по своей эпидигме. Так, например, в отличие от русского языка, в осетинском языке одним и тем же глаголом выражаются значения *цауын* – «идти» и «ехать», одним и тем же глаголом обозначаются понятия *сæрсæсæрын* – *поставить* и *положить*, *асæттын* – *сломать* и *разбить* и др. Подобное явление приводит к многочисленным ошибкам в речи билингвов: *сæрсæсæрын агуывзæ* – *положить стакан*, *асæттын авг, вазæ* – *сломать стекло, вазу* и т.п.

Осознанию указанных различий в ходе формирования языковых компетенций эффективно способствует своевременное подключение микротекстов с различными

значениями многозначных слов с заданием перевести их с одного языка на другой или подобрать синонимы и антонимы.

Со значительными трудностями сталкиваются осетины-билингвы и при усвоении морфологии русского языка, что также обусловлено имеющимися расхождениями в морфологических системах русского и осетинского языков. Морфемная структура осетинского слова сходна с соответствующей структурой русского слова, в осетинской морфологии, как и в русской, традиционно выделяются те же части речи. Отличие состоит лишь в том, что в осетинской морфологии выделяется послелог, отсутствующий в русской. Части речи обоих языков обнаруживают значительные сходства в лексико-семантических разрядах, в особенностях словообразования и др.

Однако имеют место и значительные различия. Так, в русском языке шесть форм падежей, а в современном осетинском – восемь. В русском языке формы множественного числа имен существительных образуются при помощи окончаний, а в осетинском – не посредством окончаний, а при помощи постоянного суффикса множественности *-т-*, к которому прибавляются те же падежные окончания, что и в единственном числе существительных, основы которых оканчиваются на согласные звуки. Только в именительном падеже после суффикса множественности прибавляется особое окончание *-æ* (*сæмбæлттæ*, *дуртæ*), а в направительном падеже окончание *-мæ* заменяется *-æм* (*сæмбæлттæм*).

Однако наиболее существенное морфологическое различие между русским и осетинским языками заключается в полном отсутствии в осетинском языке грамматической категории рода. Отсутствие рода в осетинском языке приводит к тому, что осетины-билингвы в своей речи на русском языке не различают род имен существительных: *красивая девочка*, *красивое платье*, *красивый цветок* – *рæсугъд чызг*, *рæсугъд къаба*, *рæсугъд дидинæг*. Отсюда ошибки: *Шерсть у него красивый* и т.п. Что касается категории числа, то в осетинском языке формы множественного числа распространены значительно шире, чем в русском [1, с. 144]. Так, большинство осетинских абстрактных имен существительных, в отличие от существительных русских, имеют формы не только единственного, но и множественного числа. Ср.: *хорздзинад* (добро) – *хорздзинæдтæ*; *амонд* (счастье) – *амæндтæ* и др.

Примечательно, что заимствованные из русского языка слова, употребляемые в самом русском языке только в форме

единственного числа, в осетинском языке употребляются в форме множественного числа. Например: *бюро – бюротæ, дело – делотæ* и др. [2, с. 127]. И, наоборот, некоторые слова, употребляемые в русском языке только в форме множественного числа, в осетинском языке могут употребляться не только в форме множественного, но и единственного числа. Например: *макъаронтæ – макъарон* (макароны), *суткæстæ – сутка* (сутки), *кусачкæстæ – кусачкæ* (кусачки). Подобное явление приводит к широкому распространению в речи ошибок типа: «Я ехал до Москвы почти две сутки»; «Поддай мне кусачку» и т.п.

Существуют различия в сопоставляемых языках в выражении значений определенности и неопределенности. Так, если в русском языке указанное значение узнается лишь из контекста, то в осетинском языке неопределенность и определенность имен существительных выражается несколькими способами: при помощи ударения, морфологически и синтаксически [3, с. 138].

В осетиноведении нерешенным остается вопрос о винительном падеже. Так, В.И. Абаев отрицает наличие винительного падежа в осетинском языке как падежа прямого объекта на том основании, что он по своим формальным признакам совпадает либо с именительным, либо с родительным падежом [4]. Наоборот, Н.К. Багаев не без оснований утверждает, что винительный падеж наличествует в осетинском языке, просто его формы в известных случаях омонимичны формам именительного и родительного падежей [5]. Но как бы этот вопрос ни решался в фундаментальных исследованиях, он никак не отражается на явлениях интерференции, проявляющейся в том, что осетины-билингвы по образцу родного языка и в своей речи на русском языке на месте винительного падежа объекта используют форму, совпадающую с формой именительного падежа, в результате чего возникают ошибки типа: «Я пошел косить трава».

Что касается имен прилагательных, то они в осетинском языке, в отличие от русского, чрезвычайно слабо дифференцированы от имен существительных, поскольку не имеют особых морфологических показателей, отличающих их от имен существительных. Кроме того, одни и те же формы могут использоваться в значении обеих категорий, а многие формы имен прилагательных в осетинском языке совпадают с формами наречий. Важное отличие осетинского имени прилагательного от русского состоит также в том, что, находясь перед определяемым именем существительным в качестве его определения, имя прилагательное остается без изменения: изменяется все словосочетание, причем падежные окончания присоеди-

няются к имени существительному, т.е. словосочетание оформляется единой групповой флексией.

Существенной интерферентной причиной являются также различия в склонении количественных числительных в обоих языках. Так, количественные числительные в осетинском языке в сочетании с именами существительными не изменяются, изменяется только имя существительное. В результате осетины-билингвы зачастую и в своей речи на русском языке не склоняют в подобных сочетаниях числительные, которые по нормам современного русского литературного языка непременно должны склоняться.

В силу агглютинативного характера осетинского склонения грамматические значения у существительных и прилагательных совпадают. Осетинские прилагательные выступают всегда как независимые, несогласуемые имена, а в русском языке прилагательное согласуется с существительным в роде, падеже. *Стыр хæдзар – большой дом, стыр хæдзарæн – большому дому.*

В осетинском языке нет 1, 2, 3-го склонения, как в русском.

В области синтаксиса различия между двумя языковыми системами прежде всего проявляются в порядке слов, в некоторых особенностях согласования сказуемого с подлежащим, в употреблении деепричастного оборота и др.

Сопоставительное исследование порядка слов в русском и осетинском языках позволило установить, что оба языка в области словорасположения имеют некоторые универсалии: актуальное членение, противопоставленность нейтрального (прямого) и стилистически маркированного (обратного) порядка слов, осуществление при помощи порядка слов межфразовой связи. В обеих сопоставляемых синтаксических системах порядок слов строго не привязан к грамматической структуре предложения и выполняет в речи сходные функции. Однако наряду с этими общими свойствами есть отличия, которые и служат причиной межъязыковой интерференции. Так, в осетинском языке порядок слов более строгий, чем в русском. Например, в осетинском языке несогласованное определение предпочитает препозицию, в то время как в русском языке оно стоит после определяемого слова, ср.: *фыды хæдзар – отца дом; лæппуйы худ – мальчика шапка.*

Наблюдаются и определенные различия в согласовании сказуемого с подлежащим. В осетинском языке при подлежащих, выраженных некоторыми собирательными существительными в единственном числе (*адæм – народ*), (*цот – потомство*) и т.п., сказуемое ставится во множественном

числе, в русском же языке сказуемое в подобных случаях бывает в единственном числе, т.е. в осетинском языке согласование осуществляется по смыслу, а в русском – по форме. Вместе с тем имеются и такие собирательные существительные, при которых сказуемое, как и в русском языке, употребляется в единственном числе. Например, *дзуг (табун), бал (отряд)* и др.

Однако к наиболее ярким различиям, способствующим проявлению межъязыковой интерференции, относятся различия в области функционирования деепричастий и деепричастных оборотов в обоих языках.

Согласно действующему в современном русском языке правилу «субъект действий, называемых деепричастием и той глагольной формой, которую оно определяет, совпадает» [6, с. 672]. Например, в предложении *Зима! Крестьянин, торжествуя, / На дровнях обновляет путь* (А.С. Пушкин) действие, обозначенное глаголом-сказуемым, и действие, обозначенное деепричастием, совершаются одним и тем же грамматическим субъектом «крестьянин», следовательно, предложение построено в полном соответствии с действующим правилом.

В осетинском языке особенности употребления деепричастий и деепричастных оборотов значительно отличаются от их употребления в русском языке. При наличии в предложении двух субъектов деепричастие обозначает действие не субъекта главного действия, а второго субъекта. Например: *Фыййау фосы ныуагъта хизгæ* / Пастух оставил скот пасущимся [7, с. 357]. Деепричастие типа *цæугæ-цæуын* может обозначать так же, как и русское деепричастие, добавочное действие

лица или предмета, которому принадлежит главное действие, выраженное глаголом-сказуемым. Например: *Цæугæ-цæуын мæ къах дурыл скъуырдатон* (Идя, я споткнулся о камень). Вместе с тем в отличие от русского языка указанное деепричастие может обозначать действие, осуществляемое собственным субъектом, не совпадающим с субъектом глагола-сказуемого. Например: *Дзургæ-дзурын усæлдæф фæцæуы сæддæмæ хæйттæй* (Во время произношения (букв. говоря) воздух выходит наружу частями)[8, с. 357]. Наличие в осетинском языке подобных разносубъектных оборотов приводит к тому, что билингвы в своей речи на русском языке также употребляют конструкции с разносубъектными деепричастными оборотами типа: «Единожды солгавши, кто тебе поверит»; «Идя по мокрой тропинке, дождь еще не прекращался» и т.п.

Таким образом, сопоставительный анализ русской и осетинской языковых систем показал, что система родного языка порождает для осетин-билингвов чрезвычайно широкое поле межъязыковой интерференции, проявляющейся практически на всех уровнях языковой системы, что создает дополнительные трудности при выработке у учащихся коммуникативной компетенции. Учет этих трудностей способствует выработке у осетин-билингвов коммуникативных умений в процессе речевой деятельности на русском языке. Все генетические, типологические и универсальные сходства также должны быть учтены в процессе разработки методики обучения осетин-билингвов коммуникативным компетенциям на русском языке с целью ориентации обучаемых на транспозицию этих сходств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Абаев В.И.* О винительном падеже в осетинском // Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Т.1.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. *Багаев Н.К.* Современный осетинский язык. Орджоникидзе, 1982. Ч. 2: Синтаксис.
6. Русская грамматика. М., 1980. Т.1.
7. *Абаев В.И.* Грамматический очерк осетинского языка // русско-осетинский словарь. М., 1950.
8. Там же.